

ПАМ'ЯТИ УЧЕНОГО, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

---

19 апреля 2012 года ушел из жизни замечательный филолог Марк Вениаминович Теплинский.

В память о нём мы публикуем эту статью.

УДК 929Дружбинский:81

Валерий Дружбинский

**С САХАЛИНА — В ГАЛИЧИНУ:
«ДОБРОВОЛЬНАЯ» ССЫЛКА¹**

С судьбой нельзя договориться. Человек делает, казалось бы, все от него зависящее, чтобы жизнь сложилась как можно прямее, да и таланта, работоспособности, целеустремленности ему не занимать. Но судьба оказывается сильнее. Как говаривал капитан Лебядкин, «я хотел бы именоваться Эрастом, но принужден носить грубое имя Игната». И как хорошо, что есть, все-таки есть люди, которые вопреки всем коварным перипетиям судьбы добились своего, вышли победителями. Один из них — Марк Вениаминович Теплинский.

Марк Вениаминович и Татьяна Константиновна
с любимым котом Федором.

«Опять-таки, мне повезло!»

Родился в сентябре 1924 года в Полтаве. Отец работал на железной дороге весовщиком, мать — санитаркой. Родители обожали

своего первенца. В 1932-м Марк пошел в школу, а через полгода... умер отец.

Время было страшное. Голодная смерть косила целые села, не щадила ни колхозников, ни единоличников, ни стариков с детьми. И те, кто был еще жив, кто мог передвигаться — шли и ехали в город, в Полтаву, в надежде, что их накормят, помогут. Но в сам город крестьян не пускали — они умирали на вокзальной площади. Тот голодомор оставил после себя миллионы безымянных могил. (А ведь нет, не должно быть таких идей, которые стоили хотя бы одной человеческой жизни!) А еще в это время свирепствовал сыпной тиф. Отец умер внезапно — от того ли ужаса, который творился вокруг, от голода или от тифа — теперь уже никто не узнает.

Начались мытарства. Не всегда у матери была работа, а значит, жили впроголодь, перебивались как могли. Но мальчик рос, стал пионером, затем — комсомольцем. То было время, когда молодежь самозабвенно верила в то, что созидает новую жизнь, что творит историю. Не знала, не понимала, вернее, не разрешалось ей знать и понимать, что все происходящее вокруг — вовсе не история. А пышный спектакль, часто фарс, не имеющий к их весьма трудной жизни, да и к жизни вообще ни малейшего отношения. А взрослые тем временем получали от свиноматок по двенадцать поросят, садились на трактора, осваивали «агрозоотехническую науку, выпестованную великим Сталиным»... И были довольны жизнью, считали, что лучшей и быть не может.

Началась война. Девятиклассник Марк Теплинский вместе с мамой срочно эвакуировался в Сталинградскую область. Теплушка, скудный паек, тяжелая работа. Но родня, жившая в Саратове, да и просто добрые люди помогли перебраться в этот город. И Марк пошел работать на завод.

В это время в Саратов эвакуировались Московский Художественный театр, Московская консерватория, Ленинградский университет. Однажды Марк узнал, что университет приглашает на учебу не только закончивших десятилетку, но и тех, у кого за плечами лишь 9 классов. «Да, так я, живя в Саратове, стал ходить на занятия в Ленинградский университет. Как говорят у нас на Галичине: „Так си стало“». Так сложилось. А я бы сказал, что мне опять-таки очень повезло», — говорит Марк Вениаминович сегодня.

В 1944-м, когда была снята блокада, Марк вместе с университетом переехал в Ленинград. Там он получил персональную стипендию имени Грибоедова и, в результате, диплом «с отличием».

Вне сомнений, это был лучший вуз страны. Прекрасные помещения и оборудование, отличное общежитие, опытные преподаватели — университет имел абсолютно все для учебы, для науки. А сам ректор Александр Алексеевич Вознесенский пользовался непререкаемым авторитетом не только у преподавателей и студентов,

но и в городе, даже в стране. Скорее всего потому, что его родной брат Николай Алексеевич был членом Политбюро, депутатом Верховного Совета, председателем Госплана и зампределителя Совета Министров.

Научной работой Марк Теплинский стал заниматься в 1947 году — писал статьи, подготовил кандидатскую диссертацию. Но в это время по всей стране началась кампания борьбы с «безродными космополитами». Она не оставляла сомнений в том, против кого направлена. Неслучайно тогда появилось присловье: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Кто-то советовал Марку Вениаминовичу затаиться, переждать смутное время, но на кафедре русской литературы Ленинградского университета был брошен клич «Марка надо спасти!» И спасли. Назначили ему весьма именитых оппонентов — двух докторов наук, один к тому же был еще и членом-корреспондентом Академии наук. Московский ВАК не смог устоять...

Что касается любимого университета, то он вскоре попал в немилость. По сфабрикованному «Ленинградскому делу» был расстрелян член Политбюро Н. Вознесенский и двумя часами позже — его родной брат, ректор этого вуза.

Марк Теплинский уехал в Петрозаводск, в Карельский пединститут.

«Бежал бродяга с Сахалина...»

Являясь ассистентом, затем преподавателем кафедры литературы, Марк Вениаминович писал монографии, учебные пособия. Но чувствовал, что запрограммирован на большее. Так он стал в 1953-м заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы Южно-Сахалинского пединститута — в европейской части страны при наличии «пятой графы» устроиться было невозможно.

В течение 16 лет он читал студентам курсы по русской литературе XIX века, теории литературы, спецкурсы и спецсеминары по творчеству Некрасова, Чехова, А. Островского... Награжден медалью «За трудовую доблесть», нагрудным знаком «Отличник народного просвещения».

Но самое главное — он мог всласть заниматься наукой. Защитил докторскую диссертацию. Написал капитальный труд «А.П. Чехов на Сахалине», а также множество статей и монографий по истории литературы и литературоведению.

Целое поколение выросло с тех пор, и далеко не каждый может представить себе то время. Еще не состоялся XX съезд, где разоблачался культ личности, но признаки обновления были во всем. Дошли они и до Сахалина. И каждый как бы открывал для себя заново этику и эстетику. Словно первобытный человек вдруг узнал, что есть какие-то заповеди, что нравственность — это что-то не зависящее от воли партии и даже интересов рабочего класса. Что литература имеет право на собственную жизнь. Страна повзрослела, открылись двери, исчезли

занавески на окнах... Но вряд ли кто знал тогда, что на смену «оттепели» придет совсем другая погода.

Сам же Марк Вениаминович (как он теперь признается) никогда не испытывал ни малейших сомнений в законности и справедливости советской внешней политики. Принимал как должное и ситуацию в Венгрии, и сооружение Берлинской стены. В то время многие умные люди пытались слиться с обстоятельствами, добровольно отказаться от сомнений... Но к событиям в Чехословакии, к Пражской весне 1968 года Марк Теплинский отнесся с живым сочувствием, а появление советских танков на улицах Праги принял как катастрофу. И говорил об этом достаточно открыто. Тут появилась еще одна «идеологическая заноза» — Александр Солженицын. Еще не так давно весь мир зачитывался его «Одним днем Ивана Денисовича». Но независимая позиция писателя привела к резкому неприятию его творчества всей официальной пропагандой. Между тем новые произведения Солженицына в многочисленных копиях распространялись по всей стране. Попали они и на Сахалин.

В это самое время — новый виток «охоты на ведьм», борьбы с инакомыслием. И начались первые гонения — «попались» на чтении и обсуждении солженицынской прозы два молодых преподавателя, работавших на кафедре Теплинского. Он всячески защищал и отстаивал ребят, как нужных вузу специалистов. Не помогло. Их вынудили уволиться и срочно покинуть остров. «А коммунист и завкафедрой Теплинский куда смотрел? Ему не уйти от ответственности!» Дело приобрело настолько широкую огласку, что по всем пединститутам Союза был разослан секретный(!) приказ об «идеологической диверсии», произошедшей на кафедре литературы Южно-Сахалинского госпединститута. А пусть другим будет неповадно!

Сперва Марк Вениаминович получил строгий выговор за развал идейно-воспитательной работы на кафедре. Но этого оказалось мало. Когда он лег в больницу (стало пошаливать сердце), то тут же (по распоряжению первого секретаря обкома партии) была образована специальная комиссия, которая вынесла решение о том, что он абсолютно здоров. «За неоправданное пребывание в стационаре» он получил второй строгий выговор и уже с занесением в учетную карточку. Понятно, что до исключения из партии был один шаг, а там (вполне возможно) делом могло заняться и КГБ. Марк Вениаминович вспоминает: «Пришлось быстро собраться и покинуть остров. Есть старинная песня „Бежал бродяга с Сахалина“. Это, оказалось, обо мне. Мое светлое будущее было тогда весьма туманным».

Любимый город

Приехал в самую отдаленную от Сахалина точку — в Одессу, благо здесь были друзья, и семья — он, жена и двое детей — хотя бы могла перевести дух.

Как-то одна знакомая сказала, что Ивано-Франковский пединститут нуждается в кадрах. «А вдруг повезет?»

В том, 1970 году, в Ивано-Франковске было три института: нефти и газа, медицинский и педагогический. В первых двух доктора наук уже работали, а в педагогическом — только кандидаты и ни одного доктора. Ректор от такой несправедливости явно комплексовал и поэтому был рад приезду Теплинского. «Я сказал ректору, что у меня, увы, два полноценных партийных выговора, а хорошему человеку достаточно и одного. Но он ответил: „Я сумею уговорить Добрика“.

И действительно, Виктор Федорович Добрик как первый секретарь обкома, желая собрать в области лучшие кадры, дал согласие на зачисление Теплинского в штат института и закрыл глаза на „все эти интеллигентские штучки сахалинского доктора“. Мол, у нас идеология и воспитательная работа на высоте, и никому не позволено оступиться. Так Марк Вениаминович стал заведовать кафедрой русской и зарубежной литературы. Правда, он поначалу энергично отбивался, убеждал ректора, что лучше отсидеть пару-тройку лет простым преподавателем. Но ректор был тверд: «Добрик дал „добро“, а он у нас — железо».

Марк Вениаминович очень любит этот город — тихий, уютный, доброжелательный, имеющий свое особенное архитектурное лицо, свою атмосферу, своих обитателей. «Оказалось, к моему дикому изумлению, у нас в Ивано-Франковске тоже на улицах случаются киевские пробки. А ведь была милая провинция».

Постепенно сложился состав кафедры, в основном — из учеников самого Марка Вениаминовича. Сейчас здесь работают два доктора наук, несколько кандидатов. В Ивано-Франковске Марк Вениаминович написал несколько научных книг, в том числе «Страницы истории украинской литературы». В ней и о записях в дневнике Тараса Шевченко о Николае Некрасове, и сравнительная творческая характеристика В. Стефаника и А. Чехова, и анализ сонетов А. Мицкевича в переводе М. Рыльского... Предмет гордости Марка Теплинского — учебники по русской литературе для украинских школ, написанные совместно с Юрием Ибрагимовичем Султановым. Общий тираж этих книг для 9-х и 10-х классов превысил миллион экземпляров. «Это какой-то махровый интернационализм: один автор — еврей, другой — азербайджанец, а написали они русские учебники для украинских школьников», — смеется Марк Вениаминович.

Сейчас он — почетный профессор Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, и 1 сентября начнется 64-й год его вузовской работы. По-прежнему преподает, по-прежнему неустанно трудится — просто вечный двигатель какой-то! «Знаете, если бы я эти последние 40 лет находился не в Украине, а в России, то, уверен, во многом бы не состоялся», — слова Марка Теплинского.

И Чехов, и Некрасов, и Дорошевич...

Марк Вениаминович говорит, что его всегда окружали удивительные люди. К примеру, в Ленинградском университете спецкурс для студентов вел Василий Десницкий — человек во многих отношениях неординарный. Достаточно сказать, что он был членом РСДРП чуть ли не с 1898 года и давним другом Горького. Когда в 1918 году Горький издавал оппозиционную по отношению к большевикам газету «Новая жизнь», то одним из сотрудников этого издания был Десницкий. Несмотря на указание ЦК РСДРП, он Горького не оставил, за что и был исключен из партии. Быть исключенным из партии в 1918 году — это, как теперь говорят, очень круто. К всеобщему удивлению, не был репрессирован, хотя сажали и за гораздо меньшие грехи. У него была уникальная библиотека, открытая для студентов, в которой можно было увидеть даже автограф Наполеона...

Университетский профессор Владислав Евгеньев-Максимов, который оппонировал при защите Теплинским кандидатской, был однокурсником Александра Блока и в разговоре называл великого поэта — Сашей.

На Сахалине Марк Вениаминович дружил с доцентом Андрузским, прадед которого был связан с Тарасом Шевченко. Андрузский любил рассказывать, как его, еще мальчишку, однажды погладил по голове сам Плеханов...

Марк Теплинский переписывался с Ильей Эренбургом, Ольгой Книппер-Чеховой и сестрой Антона Павловича — Марией Павловной, видным мхатовцем Марком Прудкиным, писателями Владимиром Лидиным и Львом Никулиным, художником Борисом Ефимовым...

Его связывает многолетняя переписка и дружба с Корнеем Чуковским. Началось с того, что приехав на Сахалин в 1953 году, Марк Вениаминович стал изучать историю пребывания на острове А. Чехова и известного в свое время журналиста В. Дорошевича. Но в статье Чуковского «Антон Чехов», напечатанной в журнале «Москва», говорилось, что чеховская книга «Остров Сахалин» «ни на что не пригодилась. Никакого общественного резонанса она не вызвала». Теплинский посчитал такую оценку ошибочной и подробно написал об этом автору статьи. Чуковский ответил: «От души благодарю. Действительно, книга „Остров Сахалин“ трактуется мною неправильно... Я, конечно, исправлю свой промах, на который Вы так верно (и так своевременно) указываете».

Познакомившись с рядом новых исследований Теплинского, Чуковский писал летом 1959 года: «Честь Вам и слава. Если бы из Питера и Петрозаводска Вас не „сослали“ бы на остров Сахалин, никогда бы не знали его (Чехова) письма к генералу Кононовичу, и вообще тема „Чехов и Сахалин“ осталась бы надолго под спудом». И через два года: «Еще раз повторяю: как хорошо, что Вас, именно Вас, „сослали“ на Сахалин».

Собственно, работа на Сахалине подтолкнула Марка Теплинского к изучению творчества и Власа Дорошевича, который в 1903 году выпустил объемную книгу очерков «Сахалин». Описаны там похождения известной в свое время аферистки Соньки Золотой ручки, а также высокопоставленных в прошлом лиц — баронессы-поджигательницы, гвардейского офицера-убийцы и многих других «знаменитых» преступников.

Люди, лично знавшие Дорошевича, присылали Теплинскому воспоминания о нем. Приведу фрагмент из написанного тем же Чуковским: «...Я работал в газете Дорошевича «Русское слово», встречался с ним в Ленинграде (мы были соседями), был у него однажды вместе с Горьким, который навещал его во время его болезни (они ведь сблизились в ту пору, когда в «Русском слове» печаталось «Детство» Горького), видел его за три дня до смерти на Петроградской стороне (он умер от прогрессивного паралича).

Но неизгладимее первые впечатления о нем. Я был болен скарлатиной, мне было лет 12. Вдруг в «Одесском листке» (а не в «Одесских новостях», как Вы пишете) объявление, что из столицы приезжает знаменитейший писатель Вл. Дорошевич, который будет печатать фельетон «За день». Это было колоссальной литературной сенсацией. Каждый день мне доставали «Одесский листок» — и я с тем восторгом, с каким читают величайшие произведения искусства, читал эти фельетоны — необыкновенно талантливые. До сих пор помню его поэму «Кому в Одессе жить хорошо». Потом, когда я подрос, я постарался увидеть своего кумира. Увидел его в Александровском парке. Он сидел и ел мороженное в павильоне, а мы, его обожатели, стояли вокруг в благоговейном молчании. Он сидел не один, а с издателем «Одесского листка» В.В. Навроцким. Так как Дорошевич писал свои фельетоны под общим заглавием «За день», про него и Навроцкого рассказывали такой анекдот:

Навроцкий спросил:

— Какая разница между Дорошевичем и уличной девкой?

И сам же ответил: та берет деньги за ночь, а Дорошевич за день.

Тогда в свою очередь спросил Дорошевич:

— Какая разница между уличной девкой и Навроцким?

Навроцкий задумался.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, — ответил Дорошевич.

Помню отъезд Дорошевича на Сахалин, обставленный очень помпезно. Помню, как мы ждали очередного «Одесского листка», где печатались его корреспонденции. Вам, конечно, нужно изучить «Одесский листок» тех лет...»

К слову, Дорошевич вошел в журналистский фольклор. Когда, к примеру, его просили дать хотя бы имя свое в список сотрудников одной белогвардейской газеты, он, отказавшись, заявил: «Я не хочу оспорить своего некролога». Его выражение: «Писатель имеет цену только до тех пор, пока ноги его стоят на родной земле».

Интересно, что свою докторскую диссертацию Марк Вениаминович посвятил собственно не литературе, а истории журналистики. Известно, что после закрытия журнала «Современник» Н. Некрасов взял в аренду (тогда это было возможным) журнал «Отечественные записки». 20 лет Некрасов редактировал «Современник» и 10 лет — вплоть до своей смерти — «Отечественные записки». И если журнал «Современник» исследован достаточно полно и глубоко, то второй журнал остался малоизученным. Марк Теплинский написал книгу об «Отечественных записках» и подробно рассказал о создании журнала, о цензуре... В книге — своя драматургия, читается она на одном дыхании, хотя это сугубо научный труд, основанный на скрупулезном изучении архивов.

Теплинский убежден и своими научными работами доказал, что даже если бы Некрасов вообще не написал ни единой строки, то вошел бы в историю как выдающийся редактор русской литературы XIX века. Ну кто, кроме Некрасова, осмелился бы в те времена напечатать роман «Что делать?», автор которого сидел в Петропавловке? «Примечательно, когда к 100-летию со дня рождения Александра Твардовского была выпущена почтовая марка, то на ней изображен сам Твардовский и обложка „Нового мира“. И в историю он войдет не как автор „Василия Теркина“, а как великий редактор великого „Нового мира“. Сперва как редактор, а уже затем как замечательный поэт», — комментирует Марк Вениаминович.

Вечные ценности

Литература снисходительна к человеку, она не требует, чтобы он был идеален, но хочет, чтобы у человека был идеал. Короче, литература учит человека быть человеком. Вот почему так важно уже с малых лет привить любовь к литературе. Этому и посвящена вся творческая деятельность Марка Теплинского.

Раньше в Украине собственных учебников по русской литературе не было — дети занимались по книгам, выпущенным в России. В 1996 году такой учебник был написан (М. Теплинский, Ю. Султанов) и выпущен. Он имеет свою особенность — построен на основе воображаемого диалога с учеником. Ведь литература, как учебный предмет, не похожа ни на какой другой. Ни химия, ни математика, ни биология, ни другие подобные дисциплины не подразумевают вкусовую оценку: надо выучить «от сих до сих» и никаких эмоций. А литература как раз требует эмоций. Да, на уроке важно, что говорит учитель, но не менее важно, что говорит ученик. Необходимо подчеркнуть уважительное внимание к мнению учеников-собеседников.

Надо признать — за ними право на собственную точку зрения. Учебник не подменяет собой текст, напротив, всячески стимулирует обращение к нему, побуждая к вдумчивому чтению, без которого не может быть и речи об эстетическом наслаждении — основе восприятия любого искусства, в том числе и искусства слова.

В разные годы массовыми тиражами вышли книги М. Теплинского, посвященные изучению в школе творчества Чернышевского, Чехова, Островского... Русская классика в работах Теплинского всегда рассматривается в связях с Украиной, ее культурой и литературой (украинская тема в творчестве русских писателей, постановка их пьес на украинской сцене, восприятие их произведений и творчества в целом украинскими читателями). Здесь предстают: Шевченко, с одной стороны, увидевший в пьесе Островского «Свои люди — сочтемся!» «сатиру умную, благородную», а с другой, однажды отрицательно отозвавшийся о поэзии Некрасова; Драгоманов, высоко ценивший русских классиков, их принципы народности; Франко, горячо откликавшийся на своеобразных героев Чернышевского и Тургенева и восторгавшийся «Грозой» Островского. В последнее десятилетие Теплинский исследовал проблемы творчества таких украинских писателей, как В. Стефаник, М. Павлык. «Я постоянно повторяю одну и ту же мысль: «После нас остаются только книги и дети. Все остальное — прах. А книги и дети — это наше фактическое бессмертие».

Было бы сердце — печали найдутся

Правда не бывает плохой или хорошей. Да, она может быть горькой, может кого-то обидеть, но ее нельзя ничем заменить, разбавить или подсластить. Правда есть правда. Марк Вениаминович четыре десятилетия связан с кафедрой русской и зарубежной литературы Прикарпатского университета, и его не может не волновать будущее учеников и коллег. Марк Вениаминович: «Ситуация с русским языком в Галичине крайне тяжелая и, честно говоря, оскорбительная. На всю область и на весь Ивано-Франковск осталась одна школа, да и та уже не чисто русская. Чтобы в названии не было слов „с русским языком обучения“, в школе создали несколько польских классов, и теперь она именуется школой с обучением на языках национальных меньшинств.

Спору нет, число желающих обучаться русскому языку с каждым годом уменьшается. А как иначе, если в нашем регионе нет вузов с русским языком обучения. Поэтому родители прагматично полагают, что гораздо проще отдать ребенка в украинскую школу, иначе у него почти не будет шансов получить высшее образование.

В апреле в Прикарпатском национальном университете имени В. Стефаника состоялся Пятый республиканский конкурс студентов Украины на тему: „Русский язык и литература“. Пять лет мы проводим эти конкурсы, и пять лет я являюсь председателем жюри. За все годы никто не прислал нам приветствия даже по факсу: ни министр,

ни областное начальство, ни городское — никто. А ведь к нам приезжают ребята со всех уголков Украины. В апреле было 52 участника. Кроме проведения конкурсов и награждения победителей, вуз сделал все возможное, чтобы дети увидели красоты нашего края, исторические памятники.

Всегда вместе

Жена Марка Вениаминовича — Татьяна Константиновна Завгородняя. Она тоже видный ученый, доктор педагогических наук, профессор. Круг ее интересов — проблемы воспитания, история дидактической мысли в Галичине, исследование творчества галицких педагогов, особенно тех, чьи имена незаслуженно забыты. Автор 225 научных работ, из них десять — монографии. Лауреат областной премии имени Мирослава Стельмаховича.

В их доме — очень доброжелательная атмосфера. Чувствуется, здесь навсегда поселились любовь, сердечность, трогательное внимание друг к другу. «О такой духовной близости, как у нас, мечтают. В четыре утра можем говорить об автореферате, о теме диссертации, о книгах, о монографиях, обо всем на свете. Понимаем друг друга с полуслова. Счастливые люди, хотя у нас на двоих десяток болезней, не меньше», — говорит Татьяна Константиновна.

У него под глазами мешки, но в глубине глаз, несмотря на почтенный возраст, полыхают опасные озорные огоньки. И часто улыбается. Но проникнут таким вселенским спокойствием, что рядом с ним многое кажется мелочным и наносным. Понимаешь, это человек, который свою жизнь, свою судьбу посвятил единственной цели — вписать хотя бы одну страницу, одну строку в этот молитвенник человечества, который называется Литературой.

Примечания

¹Статья напечатана в газете «Зеркало недели. Украина» №17, 13 мая 2011 [Электронный ресурс] / В. Дружбинский. — Режим доступа к ресурсу : http://zn.ua/SOCIETY/s_sahalina__v_galichinu_dobrovolnaya_ssyilka-0918.html.